

Библиотечка «ЗНАНИЕ-СИЛА»

УБИЙСТВА В ДОМЕ РОМАНОВЫХ

Библиотечка «Знание – сила»

Сборник статей

**Убийства в Доме Романовых
и загадки Дома Романовых**

«Знание-сила»

2013

Сборник статей

Убийства в Доме Романовых и загадки Дома Романовых /
Сборник статей — «Знание-сила», 2013 — (Библиотечка «Знание
– сила»)

Книга рассказывает о всех российских царях, от Михаила Федоровича до Михаила Александровича, брата Николая Второго, юридически последнего императора России, также отказавшегося от престола. Обилие трагических событий в Доме Романовых определило столь мрачное название книги. В книгу вошли статьи, напечатанные в журнале «ЗНАНИЕ-СИЛА» в разные годы. Статьи про Николая Второго и Михаила Александровича были написаны специально для сборника. Статьи написаны профессиональными историками.

© Сборник статей, 2013

© Знание-сила, 2013

Содержание

Дальше – тишина...	6
Илья Смирнов	8
Владимир Тюрин	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сборник статей Убийства в Доме Романовых и загадки Дома Романовых

© АНО «Редакция журнала “Знание-сила”», 2013

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2013

Дальше – тишина...

Вступление

С незапамятных времен для значительной части человечества власть являлась самым вожаемым, самым ценным подарком фортуны. За неё боролись всеми правдами и неправдами, убивали, травили, гноили в тюрьмах, ею бесстыдно пользовались, забывая о нравственных, общечеловеческих нормах. И ее теряли так, словно целую жизнь. Для людей власти она и была, есть и будет всей жизнью.

С тех пор как появлялся лидер в любом человеческом сообществе, появлялся и некто, претендующий на это лидерство и готовый любой ценой захватить его. Желание подчинять, повелевать, демонстрируя вседозволенность и безнаказанность, бывает так велико, что жизнь теряет смысл, если не удастся осуществиться этим, бушующим и определяющим тонус жизни, страстям. Плодит ли власть подчиненных? Или готовность подчиняться порождает власть? Кажется, это стороны одной медали, одна не живет без другой. И значит, безропотная готовность подчиниться, согласиться и смириться, также пагубна, как яростное стремление к вершине власти...

Многие с молодых ногтей мечтают выбиться в начальство и, достигнув своей цели, возвышаются в собственных глазах, резко меняя самооценку, сильно завышая ее. И им это совершенно необходимо. Но что это? Попытка освободиться от комплексов неполноценности? Стремление загнать их как можно глубже и поменять знак бессилья на силу? Мы знаем такие примеры – власть придержавшие множит их у нас на глазах... Незначительная личность, обличенная властью, это – уже совсем другое дело! И пусть это миф, мираж, пусть неправда, зато теперь можно отыгаться за свою незначительность, отомстить всем умникам. Как пьянит всегдашний успех этой расплаты, как кружит голову и вдохновляет! И еще. Теперь ты богат. И настолько, насколько пожелаешь. Словом, как ни посмотри, для очень многих «прямоходящих» власть это – цель жизни. И пусть в результате обретаешь подчиненных, а не друзей, женщин, а не любовь, богатство, а не счастье и, наконец – врачей, лекарства, а не здоровье, пусть! На самом деле мы все живем в мифах, а не в реальности, а миф о всемогущественности власти – один из самых бодрых, живучих и желанных.

Борьба за власть окрашивает в цвет крови всю историю цивилизаций. Пожалуй, не найти ни одного государства, и Россия не исключенье, которых бы миновала эта пагубная стихия. Летят столетья, но время ничего не меняет. Притягательность власти не меркнет. И даже методы и технологии, в сущности, остаются прежними – яды, удавки, острый кинжал, пуля. Убивают вождей, королей, царей, императоров и президентов. Разумных правителей и вздорных, реформаторов, стремящихся улучшить существование большинства притесненных и консерваторов, вовсе к этому не расположенных. Интересно, что тираны и диктаторы, чья жесточайшая власть распространяется, кажется, по кровеносным сосудам миллионов чаще всего умирают в своей постели... Так случилось, в частности, с Лениным, который в самом начале 1918 года объяснил, чтобы не было никаких кривотолков, что «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие, опирающуюся власть»¹. Отвергающую парламентаризм, осуществляющую слияние исполнительной и законодательной властей. Это значит, что власть имущие принимают законы, по которым осуществляют свои намерения, не подвергаясь никакому контролю. А уже в марте этого же 18-го он говорит о необходимости личной диктатуры... с точки зрения нужд современной экономики. «...Всякая крупная

¹ В. Ленин Полное собрание сочинений, т.24, стр. 441

машинная индустрия – т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма – требует безусловного и строжайшего единства воли... Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного»².

Создание государства нового типа привело и к новому типу единоличной власти, поддерживаемой обманутыми и замороженными народными массами, и осуществляющей террор в невиданных масштабах по отношению к своему народу. Раскрученный большевиками молох работал без устали. Только с января 1935 года по июнь 1941 по данным КГБ было репрессировано 19 миллионов 840 тысяч, из которых 7 миллионов было расстреляно³.

В этих реках крови, заливавших страну, кровь Романовых теряется, растворяется, становится незаметной. Но человек – это целый мир. С его уходом земля беднеет. И память не должна отмирать, иначе мы теряем наше прошлое.

В этом сборнике собраны статьи о не доживших свой век представителях династии Романовых. Детективный жанр подсказан самим действием – убийством. Кроме того, есть попытки объяснить некоторые загадки, связанные с Домом Романовых. Авторы – именитые историки, доктора исторических наук Андрей Анатольевич Левандовский, Анатолий Филиппович Смирнов, доктор юридических наук Юрий Александрович Жук, кандидаты исторических наук Илья Викторович Смирнов, Владимир Александрович Тюрин.

Галина Бельская

² В. Ленин Полное собрание сочинений, т.36, стр. 200

³ Сведения Ольги Григорьевны Шатуновской, члена «комиссии Шверника», созданной по распоряжению Хрущева для расследования преступлений культа личности после XX съезда партии.

Илья Смирнов

Проклятие дома Романовых

*Здесь шла борьба за смерть.
Они дрались за место,
И право наблевать
за праздничным столом.
Спеши стать сразу всем,
насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли
напролом.*

А. Башилачев

Смута окончилась, когда их наконец взяли московские люди на Медвежьем острове посреди реки Яик: царицу Марину Юрьевну с трехлетним сыном Иваном Дмитриевичем и вместе с ними их верного защитника – самого знаменитого казачьего атамана того времени Ивана Заруцкого. Впрочем, в последние дни своих скитаний они уже не были свободны – товарищ Заруцкого, атаман Треня Ус, которому все равно было, кому служить, лишь бы добывать «зипунов», приказал своим казакам взять под стражу злейших врагов нового правительства, он даже отнял у Марины сына и держал его при себе – чтобы при необходимости выкупить себе помилование чужими головами. Так и получилось: когда казаков окружили на острове, Треня выдал пленников вместе с казной, вывезенной ими из Астрахани, и отправился разбойничать дальше. А царицу с маленьким царевичем и Заруцкого отправили в Москву к новому государю Михаилу Федоровичу Романову – под охраной пятисот стрельцов, которым велено было при попытке отбить арестованных немедленно их уничтожить. (Как через 150 лет – другого несчастного русского помазанника, Ивана Антоновича.) Марину до Москвы везли связанной.

При всех симпатиях к казачеству, я не могу не отметить грустной закономерности в том, что отдельные представители этого смелого и гордого сословия продавали самых знаменитых своих атаманов. (Только Булавина не сумела взять живым, чтобы выдать Петру, – тогда его застрелил собственный есаул...)

Сюжетная схема

Смута началась осенью 1604 года, когда с отрядом искателей приключений границу перешел молодой человек, объявивший себя сыном Грозного, Дмитрием Ивановичем. Шансы его на успех были бы не очень велики, если бы не внезапная смерть Бориса Годунова (видимо, от инфаркта). Вдова Бориса и сын – шестнадцатилетний царь Федор II – были убиты при всеобщем энтузиазме москвичей, готовившихся встречать нового царя Дмитрия. Дмитрий Иванович одиннадцать месяцев правил по-европейски среди непрерывных заговоров и покушений. 17 мая 1606 года он был убит.

Царем «выкликнули» князя Василия Шуйского, имевшего некоторые права на престол – как «старший» среди Рюриковичей. Но против Василия сразу же выступили на юге Иван Болотников с князьями Шаховским и Телятевским и предводителем рязанских служилых людей П. Ляпуновым.

Они выступили за «царя Дмитрия» – непонятно, за какого – и дошли до Москвы, где были разбиты. До поры до времени царя Василия выручал племянник – талантливый полководец

Михаил Скопин-Шуйский. Работы ему хватало: после капитуляции Болотникова неизвестного происхождения «воскресший» Дмитрий собрал войско из казаков и польско-литовских добровольцев. Не имея сил для взятия Москвы, он в июле 1608 года разбил лагерь неподалеку. Полтора года в России существовали две равноправные столицы – Москва и Тушино – каждая со своим царем, думой и патриархом. Кстати, тушинским патриархом был Филарет (Федор) Никитич Романов – отец будущего царя Михаила.

В 1609 году конфликт начал «интернационализироваться»: Василий Шуйский призвал себе на помощь шведскую армию Делагарди, после чего польский король Сигизмунд III Ваза, чьи отношения со Швецией были резко враждебными (несмотря на шведское происхождение короля, а точнее – благодаря этому происхождению), осадил Смоленск. Напоминаю, что Смоленск и окружающая территория в течение нескольких столетий оставались спорными. В этот момент здравомыслящие люди из разных лагерей пришли к удобному компромиссу: предложить московский престол сыну Сигизмунда, Владиславу. Стараниями Филарета и Станислава Жолкевского – блестящего полководца и дипломата, одинаково уважаемого по обе стороны границы, – эта идея утверждалась в русском обществе. Тушинский лагерь распался. Василий был свергнут 17 июля 1610 года и пострижен в монахи. Россия с воодушевлением присягала королевичу Владиславу. Условия его правления были заранее определены договором – своего рода зачатком конституции. Однако Сигизмунд неожиданно для всех решил отнять царский венец у собственного сына – захотел сам стать московским царем, что для русских ассоциировалось с прямым подчинением Польше и было заведомо неприемлемо. Комбинация рухнула.

Русский бунт

Мы понемногу освобождаемся от любимого мифа советской историографии, сводившей Смуту к «крестьянской войне»: Иван Болотников, дворянского рода, раздавал своим сподвижникам поместья с крестьянами точно так же, как это делали Василий Шуйский, «тушинский царь», Сигизмунд III и прочие участники борьбы за власть.

Вообще в исторической драме Смутного времени нелегко обнаружить какие-либо идейные и принципиальные противоречия, здесь куда больше подходит гениальная формула сталинских театроведов: «борьба хорошего с еще лучшим». Политики того времени с легкостью переходили из одного лагеря в другой, в зависимости от мельчайших изменений конъюнктуры (народ довольно точно именовал их «перелетами»), без тени смущения провозглашали прямо противоположное тому, что говорили вчера, и с удивительной для средневекового сознания легкостью переступали и через крестное целование, и через фамильную честь. Ближайшие сподвижники претендентов не скрывали циничного отношения к делу, за которое сами боролись: московский патриарх Гермоген уважал «своего» Василия Шуйского не больше, чем тушинский гетман Рожинский – своего царя, и разве что сан не позволял духовному лицу демонстрировать презрение бранью и пьяными драками на глазах у царя. Впрочем, когда это показалось выгодно, Василия скинули с престола не более почтительно. Вдова Ивана Грозного царица Мария Федоровна вчера только признавала «Государя Дмитрия Ивановича» своим сыном, но сразу же после его убийства объявила, что убитый был злодей и самозванец, а настоящий царевич давно погиб в Угличе. Но провозглашал этого «настоящего царевича» святым и переносил его мощи в Москву тот же самый человек, который на следствии по угличскому делу доказывал, что царевич как самоубийца недостоин даже погребения. Отец Марины, воевода Юрий Мнишек (по мнению С. Жолкевского, «маловажный и ничтожный человек», характером напоминающий беспутного отца из знаменитого романа Р. Л. Стивенсона «Катриона»), продал родную дочь за 300 тысяч рублей и, бросив ее на произвол судьбы, бежал в Польшу, (даже на письма не отвечал). Непрерывная череда такого рода событий создавала особую социально-психологическую атмосферу, в которой люди не верили уже никому и ничему. Впрочем, народ был вполне

достоин своих пастырей. Одна и та же московская толпа возводила на престол царя Дмитрия и глумилась над его трупом, прославляя Василия Шуйского, чтобы потом с позором низложить старика, но не за преступления, в которых он был действительно виновен, а за то, что Василий оказался «несчастен на царстве». Потом присягали королевичу Владиславу и радушно принимали в Москве польско-литовское войско Жолкевского – тех самых «еретиков», которых с воодушевлением резали майской ночью 1606 года. Любопытно, что тем соотечественникам, которые пытались заступиться за избиваемых, говорили: «вы жида, как и Литва».

*Должно быть, после стольких упущенных возможностей
консервативная реакция была неизбежна.*

В. Кобрин, «Смутное время – утраченные возможности»

Может быть, единственный в этом море крови и грязи, кто действительно имел какую-то программу, был молодой человек, посеявший смуту и ставший одной из первых ее жертв. В имени Лжедмитрий, унаследованном официальной советской историографией у официальной дореволюционной, при всей его формальной справедливости, есть ярко выраженный негативный подтекст, поэтому я предпочитаю вариант Н. И. Костомарова.

Теперь, когда Костомарова начали издавать, вряд ли имеет смысл пересказывать его знаменитую биографическую работу «Называемый Димитрий». Отмечу только: в ней рассказывается об одном из редчайших случаев – когда на русском престоле соединились откровенное «западничество» и вольномыслие («Пусть всякий верит по своей совести» – фраза слишком смелая даже для Европы!) с твердым, мужественным характером и патологическим для вышеописанной среды отсутствием коварства и жестокости.

Поведение царя Дмитрия во время его краткого, одиннадцатимесячного правления служит серьезнейшим аргументом против годуновско-пушкинской версии, отождествляющей его с Григорием Отрепьевым: расстрига, бывший келейник московского патриарха вряд ли мог мыслить и действовать так, как этот молодой человек. Он прощал своих врагов, даже пойманных с поличным: «Есть два образца держать царство – или всех жаловать, или быть мучителем; я избрал первый». Бояре-заговорщики во главе с тем же профессиональным клятвопреступником Василием Шуйским, – которых «московские люди» приговорили к смерти, а Дмитрий помиловал, – не могли простить столь легкомысленного великодушия и при первой же возможности отплатили своему спасителю за отступление от обычаев его «называемого отца» Ивана Васильевича. Вскоре после свадьбы Дмитрия и Марины компания придворных аристократов и преступников, специально выпущенных из тюрьмы, зверски убила молодого царя, мечтавшего о свободной торговле, веротерпимости и создании в Москве университета. Пожалуй, из всех его проектов за 386 лет в полном объеме осуществился только один – университет.

*Счастье не всегда ходит по одному пути. Оно не там кончается, откуда
начинается, но устраивается так, как сам Бог направит его.*

Марина Мнишек

Такова судьба добрых царей на Руси⁴.

Интересно, что Марина была сначала коронована и только потом, уже в качестве царицы, вступила в брак с Дмитрием. Быть может, Дмитрий предчувствовал судьбу и хотел по возможности оградить свою избранницу от превратностей, обеспечив ей «независимый» правовой статус. Хотя кого в то время волновало право?

⁴ Впрочем, все та же справедливость требует признать, что тень на образ Дмитрия бросает убийство сына и вдовы его предшественника, Бориса, – вина, хотя и не доказуемая спустя четыре столетия, но весьма вероятная.

Царица и казак

Опаснейшие, враги того государства, которое восстановили в 1613 году Минин и Пожарский, составляли необычную пару – двадцатипятилетняя польская аристократка, помазанная на царство Всея Руси, и крестьянский сын из-под Тарнополя (по-тогдашнему – «русин», сейчас он назывался бы «украинцем», да еще «западным», но в начале XVII века такие тонкости мало кого интересовали, и в источниках он фигурирует либо как «русский полководец», либо как «храбрый вожь донских казаков»). Вопреки всем местническим традициям, Иван Заруцкий саблём добыл себе боярство. Его боевой товарищ по Тушинскому лагерю, поляк Н. Мархоцкий оставил о нем воспоминания: «Все наше войско бежало, и не будь тут Заруцкого, который прискакал с несколькими сотнями донцов и у реки Ходынки отразил Москву ружейной пальбой, она загнала бы нас в самый лагерь...» С. Жолковский, едва не соединивший русских и поляков в единый народ, писал: «князь Рожинский (тушинский гетман. – И. С.) почти всегда был пьян», поэтому Заруцкий «заведовал караулами, подкреплениями, доставкой известий». Помимо этих достоинств, атаман был «собою красив и пропорционален» – качества, не столь важные для исхода войны за московское наследство, но, вероятно, небезразличные для наследницы Марины. Впрочем, и с Заруцкого не следует писать иконы: в конце Смутного времени он правил в Астрахани по образцу Ивана Васильевича: «многих добрых людей в ночи пытал на пытке и огнем жгли, да с обруба в воду посажали, да и по вся дел дни беспрестанно кровь проливают».

О Марине Мнишек наша публика знает несколько больше благодаря опере «Борис Годунов». «Расчетливая, надменная и легкомысленная красавица» – сказано в хорошем дореволюционном учебнике русской истории Трачевского (как это – «расчетливая» и «легкомысленная» одновременно?)

Менее известно, что эта маленькая пани ездила верхом, вооруженная саблей и пистолетом, и в гусарской одежде входила в воинский совет, чтобы предъявлять претензии взбунтовавшимся ландскнехтам. Когда лучший московский полководец, молодой Скопин-Шуйский, осадил в Дмитрове одного из лучших тушинских полководцев, «польского удалца» Яна Сапегу, Марина на валах возглавляла оборону, воодушевляя солдат словами: «Я, женщина, не утратила мужества!»

Отношения их с Сапегой составляют отдельный причудливый сюжет. Начались они с того, что «удалец» с гусарами молодую вдову убитого царя Дмитрия и ее отца, воеводу Мнишка, отбил у московской стражи (которая, впрочем, и не думала о сопротивлении). После совместной обороны Дмитрова они поссорились, и бесстрашная царица сказала, что у нее есть три с половиной сотни донцов и, «если до того дойдет, она даст ему сражение». Марина лично инструктировала русских послов и принимала иностранных, даже при жизни своего второго мужа, «тушинского царя», не отличавшегося ни умом, ни образованием. Когда польский король Сигизмунд, ее бывший государь, предложил «из милости» тушинской чете Саноцкую землю и доходы с Самборской экономии за отказ от русского престола, она попросила у него Краков, обещая за это «из милости уступить королю Варшаву». Письма она подписывала «императрица Марина».

Согласитесь, личность, весьма далекая от женского идеала, предлагаемого «Домостроем», даже если считать произведение Сильвестра, безусловно, прогрессивным по сравнению с обычной практикой.

Иван-царевич

Судьба царевича Ивана – авантурный роман со дня рождения. И даже до рождения.

Отец его – «тушинский царь», известный и под именем Лжедмитрий II, второй муж Марины Мнишек.

После переворота 17 мая 1606 года Василий Шуйский отправил вдову убитого царя вместе с отцом – воеводой Мнишком – в ссылку в Ярославль. В те времена, когда еще не изобрели фотографию и телевидение, ссыльные не могли уверенно судить о том, что за человек вновь собирает сторонников Дмитрия Ивановича – действительно ли это их государь, которого судьба уже неоднократно спасала от верной смерти, или самозванец «второго порядка». Личная встреча Марины с «воскресшим» мужем подтвердила худшие опасения. Человек неизвестного, но явно не аристократического происхождения, он отличался «грубыми и дурными нравами» и произвел на Марину крайне неблагоприятное впечатление – долгое время она не хотела признавать его, несмотря на все уговоры отца, материально заинтересованного в таком признании.

Однако политика оказалась могущественнее личных симпатий и антипатий. А может быть, дело не только в политике. «Тушинский царь» олицетворял единственную альтернативу правительству Василия Шуйского – единственную возможность отомстить за человека, которого Марина, видимо, действительно любила. И вернуть московский престол. Напомним, что тогда ей было всего 19 лет.

5 сентября 1608 года в лагере Сапеги состоялось ее тайное венчание с «тушинским царем». С формально юридической точки зрения брак их был вполне законен, равно как и ребенок, рожденный в этом браке.

По мнению В. Б. Кобрин, второй муж Марины «унаследовал авантюризм своего предшественника, но не его таланты»⁵. Имея сотысячную армию, он не только не смог навести в ее рядах порядок и выбить Василия из Москвы, но оказался даже не в состоянии поддерживать престиж царского звания среди пьяных безобразий казаков и наемников. Такое положение было унижительно для Марины. Тем не менее она разделяла с мужем все превратности его судьбы: мятежи, распад Тушинского лагеря, бегство в Калугу.

Там бывшие «тушинцы» на какое-то время восстановили правительство, боровшееся и против Москвы, и против польского короля. Вплоть до декабрьского дня 1610 года, когда глава этого причудливого двора был зарезан князем Урусовым. А в начале января нового, 1611 года Марина родила сына, которого крестили в православной вере и сразу же признали два самых могущественных военных вождя – Заруцкий и Ляпунов, признали его законным наследником престола.

*Вы ему (Борису Годунову) кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорил о нем, а не вы.
Называемый Димитрий*

Сам того не подозревая, новорожденный уже принимал участие в большой политике, и вокруг его колыбели сталкивались партии и армии.

Интернационалисты XVII века

Второй большой миф о Смуте объясняет ее «иностранный интервенцией». Он восходит все к тому же Василию Шуйскому, который ненависть московской черни к иностранцам и иноверцам удачно обратил против Дмитрия. Позднее те же ксенофобские инстинкты использовала победившая партия Романовых, чтобы возвеличить собственную победу.

К сожалению, факты входят в некоторое противоречие с этой конструкцией. И ответственность ее хорошо понимали свободомыслящие ученые XIX столетия. Во-первых, «Назы-

⁵ Кобрин В. Б. Смутное время – утраченные возможности. – История Отечества. Люди, идеи, решения. Москва, 1991 год.

ваемый Димитрий» вовсе не был «польским ставленником». Сигизмунд III не оказывал ему официальной поддержки, а участие отдельных панов в его экспедиции, с точки зрения господствовавших в польско-литовском государстве обычаев, было таким же частным делом, как купля-продажа имения. Придя к власти, молодой царь и не помышлял об удовлетворении территориальных и религиозных претензий со стороны короля и папы, а при первых же недружественных жестах со стороны Сигизмунда вступил в соглашение с вооруженной оппозицией польской шляхты – конфедерацией, организованной Я. Радзивилом и Л. Понятовским, и готовился поддержать их сорокатысячным войском. Историк А. Гиршберг прямо пишет о планах обоих Дмитриев – и московского, и даже тушинского – овладеть польским тронном.

*Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою.*

В. Высоцкий

Встречаясь в исторической литературе со словами «польский», «поляки», мы должны помнить, что «национальный вопрос» и связанная с ним терминология в начале семнадцатого века значили совсем не то, что в конце двадцатого. «Польша» Сигизмунда – это польско-литовская монархия, а ее непосредственно прилегающая к Московской Руси половина, Литва, вовсе не была Литвой в том смысле, какой сегодня вкладывает в это слово В. Ландсбергис. Она изначально строилась как государство литовско-русское, причем отнюдь не католическое. «Явились на Руси два государства, – пишет Н. И. Костомаров, – Москва и Литва... Русь, таким образом, разделилась на две половины». И те «рыцари» и «удальцы» Смутного времени, которых мы по привычке именуем «поляками», в действительности сплошь и рядом оказываются представителями русских дворянских родов, да еще православного вероисповедания. «Ревнителями православия» называют князей Острожских и Вишневецких. Послы Сигизмунда в Москву А. Балабан и Ст. Домарадский – люди «греческой веры». Сапеги – из бояр Смоленской области. Правда, вышеупомянутый Ян Петр формально принял католичество, но покровительствовал обеим церквям. И в отряде его, по его собственным словам, «большая половина состоит из русских людей». Тушинский гетман князь Рожинский в письме папе римскому восхваляет некоего о. Викентия, благодаря которому он все-таки склонился к католичеству, но если учесть, что главную тему письма составляют просьбы о помощи, вряд ли можно воспринимать его пафос всерьез.

С другой стороны, «Москва», с которой все они воевали, представлена венграми, татарами, французами во главе с де ля Вилем, англичанами (!) и, согласно дневнику Сапеги, целым подразделением все тех же поляков, «у которых было свое знамя и свой ротмистр». Наконец, на стороне Шуйского воевала армия шведов.

Таким образом, правильнее было бы говорить не об организованной интервенции, а о том, что некоторые подданные сопредельных (и даже не сопредельных) стран приняли участие во внутренних неурядицах Русского государства, причем участие это носило поначалу сугубо неофициальный характер. Впрочем, и официальное вмешательство со стороны Польского и Шведского королевств было вызвано столь же официальным приглашением из Московской Руси. И в этом приглашении не содержалось никакой «национальной измены». Россия могла иметь царя Владислава польского происхождения точно так же, как сама Польша имела короля Сигизмунда из шведской династии Ваза, а, например, Англия – короля-шотландца Стюарта. Вообще монарх-иноземец для феодализма скорее норма, чем исключение. Идея объединения России вокруг Владислава была уже практически реализована Станиславом Жолкевским, если

бы не нелепое упрямство Сигизмунда III. Будь король поумнее, Смута кончилась бы на три года раньше и сегодняшние «патриоты» прославляли бы династию Ваза.

Иностранное вмешательство не было первопричиной событий. Причины историки видят в разорении страны Иваном Грозным, последствии этого разорения – крепостничестве – и природной катастрофе – трехлетием голоде, постигшем страну в правление Бориса и заставившем Годуновых расплачиваться за чужие грехи. Но «интервенция» точно так же не может считаться и движущей силой Смуты.

Эту движущую силу, опору и основу «партии беспорядка», скорее всего, следует искать в казачестве.

С большим вниманием я читаю в современной партийной печати рассуждения о казачестве. «Издrevле казаки ставили во главу угла защиту Православия... а для верующего монархия на земле – своего рода «калька» устройства небесного» («Путь», газета Российского христианского демократического движения). «К идеалам служения «Вере» и «Отечеству» казак с необходимостью добавлял и третий, не расторгимый в совокупности член – «Царю»... Истинная «вольность» воспринималась как реализация предельного личностного права на отсечение собственной воли, а «самодержавие» как вольное изъятие Божьей правды и милости через монарха» (журнал «Кубань»).

Раннее казачество весьма мало соответствовало этому идеалу. Как донцы, так и запорожцы не утруждали себя выяснениями «пятого пункта» или социального происхождения и поначалу даже в религиозных вопросах проявляли такое же свободомыслие, каким ужаснул патриархальную Москву их любимый царь Дмитрий. (Интересно, что с началом религиозных преследований «вольнoдумцы» станут самыми упорными защитниками гонимой церкви – ортодоксального православия на Украине и старообрядчества на Дону.) «Казаки – люди различных племен, из земли московской, татарской, турецкой, польской, литовской, карельской и немецкой... говорят преимущественно по-московски» (И. Масса, начало XVII века). Кроме холопов и беглых крестьян, мы встречаем в «товариществе»⁶ и аристократов, как легендарный запорожский герой Байда – князь Вишневецкий или его донской коллега князь Дмитрий Трубецкой.

Так же свободно относились казаки ко всем без исключения «самодержцам», через которых «вольно изъяснялась Божья правда», а также «правда Аллаха», – они постоянно балансировали между сопредельными державами: Россией, Польшей и Турцией, поскольку чувствовали себя независимыми от всех и уважали (не уважали) царя, короля и султана ровно настолько, насколько каждый из монархов в данный момент мог быть им полезен (или вреден).

С другой стороны, раннее казачество не успело выработать какой-либо социальной программы (она появится на Дону только в ходе религиозной реформации), поэтому борьба с несправедливым порядком, вытолкнувшим их в «дикое поле», при самом искреннем его неприятии на деле сводилась к перемене ролей в рамках одной и той же системы.

В стихийных ополчениях Смутного времени, будь то армия Болотникова, или «тушинского царя», или так называемое «первое русское ополчение» Ляпунова – Заруцкого – Трубецкого, с необычайной силой проявились все хорошие и дурные свойства тогдашнего казачества. «Разгульная казацкая кочевка» в Тушине на время стала столицей России. Здесь демократично перемешались сословия и вероисповедания, «неграмотный мужик», почитавшийся царем, ставил в патриархи Филарета Романова, а шляхтичи с донскими молодцами весело проводили время в пьянстве и за игрой. К сожалению, единственным источником существования красочного «славянского рыцарства» был более, а чаще менее узаконенный грабеж всех тех, кто еще продолжал работать и, несмотря на политические катаклизмы, добывал хлеб насущный.

⁶ Старинное русское слово «товарищ» употреблялось между казаками и вообще свободными людьми, добровольно объединившимися с себе подобными ради общего дела в станицу, артель, дружину – «товарищество».

Виселица за Серпуховскими воротами

В конце концов люди смертельно устали от безобразий, и восьмилетняя Смута закончилась «победой сил порядка и посредственности» (В. Б. Кобрин) – избранием на царство юного Михаила Федоровича Романова, «тихого и неспособного по природе», которым управляла сначала мать, а затем отец, патриарх Филарет.

Но за установление порядка пришлось заплатить дорогую цену – отказаться от прогресса. То зачаточное крепостное право, когда крестьянин был «крепок» не господину, а земле, на которой трудился, – своего рода «прописка» на средневековый манер – было поколеблено «разрешающими» указами Бориса и Дмитрия в период голода и Смуты, да и вряд ли вообще могло всерьез соблюдаться среди анархии, однако именно при Михаиле Романове оно утверждается в новом, невиданно суровом и бесчеловечном обличье, при котором крестьянин («христианин») приравнивается к рабу, к вещи, скотине. Те элементы правового государства – «Великой хартии вольностей», – которые присутствовали в крестоцеловальной записи царя Василия и в договорах о приглашении на русский престол Владислава, оказались похоронены, и Россия вернулась к восточному деспотическому правлению Ивана III. «Западничество» было предано анафеме вместе с Гришкой Отрепьевым и вновь заявило о себе всерьез лишь спустя многие десятилетия, но уже не в мягкой и либеральной форме, а таким образом, что прогресс и просвещение только укрепляли архаичный социальный порядок.

*Ставили артелью – замело метелью.
Водки на неделю, да на год похмеля.
Штопали на теле, к ребрам пришивали,
Ровно год потели, да ровно час жевали.*

А. Башлачев

Вынужденные выбирать между порядком и прогрессом, русские люди в любом случае оказывались в проигрыше. Стабилизация наступила, но на значительно более низком уровне. Этим-то и отличаются смуты от настоящих революций.

Однако чтобы перевернуть последнюю страницу в истории Смутного времени, «партии порядка» предстояло окончательно решить проблему возможных соперников семнадцатилетнего царя, наследника вовсе не венценосной и даже не княжеской фамилии.

Заруцкому за многие дела предстояло гореть в аду, и вряд ли он до сих пор был более постоянен в политических пристрастиях, чем прочие участники междоусобий, но Марине и ее сыну отчаянный атаман остался верен до конца.

Его армия отступает на юг – в исконное казачье «поле», взрастившее и питавшее Смуту. Дон же отказывает в помощи сыну «казацкого царя» и своему атаману.

Самые яростные и непримиримые из казаков уже сложили головы под разными знаменами, другие выслужили себе теплые места при кабацком откупе, да и поместьица, а те, что остались на Дону, предпочитали московское жалованье и свое хозяйство неверной военной удаче. Заруцкий, постоянно преследуемый воеводами нового царя, поворачивает к Волге – «указывает путь Разину», как скажет впоследствии историк С. И. Тхоржевский.

Астрахань подчинена Москве недавно и еще хранит память о собственном независимом царстве – под властью Марины и Заруцкого она обретает осенью 1613 года свой последний кратковременный «суверенитет». Армию Заруцкого пополняют волжские казаки, которых Москва не жалует за разбои на торговых путях. В поисках союзников они обращаются к персидскому шаху Аббасу, – говоря по совести, одному из самых кровожадных тиранов мировой истории. Впрочем, неразборчивость в связях до сих пор отличает российских революционе-

ров. Однако шах с помощью медлит. Казаки ссорятся с купцами, сам Заруцкий – с воеводой Хворостининым. Наконец, в апреле 1614 года в Астрахани, к которой со всех сторон приближаются московские войска, начинаются бои между горожанами и казаками. Спасая Марину и царевича, атаман доверяется Трене Усу и вместе с ним бежит на Яик...

Здесь их и настигает крепнущая рука новой власти. «Сколь веревочка ни вейся, а совьешься ты в петлю...»

Заруцкого допрашивал сам царь. Мы никогда не узнаем, о чем беседовали робкий юноша и атаман; можно предположить, что за Михаила говорили, по обыкновению, его советники. Но, очевидно, ответы Заруцкого их не слишком устроили. Ведь практически все видные соратники обоих Дмитриев, в том числе и князь-атаман Дмитрий Трубецкой, остались вельможами и при новой власти.

Заруцкий после пыток был посажен на кол.

А трехлетний сын Марины, царевич Иван, повешен на виселице за Серпуховскими воротами.

Убийство детей, которые могут вырасти и предъявить претензии на наследство своих родителей – нередкое дело во время феодальных распрей. Не совсем обычно другое – что казнь маленького ребенка была устроена публично, словно своего рода народный праздник⁷.

«Многие люди, заслуживающие доверия, видели, как несли этого ребенка с непокрытою головою на место казни. Так как в это время была метель и снег бил мальчику по лицу, то он несколько раз спрашивал плачущим голосом: «Куда вы несете меня?» Но люди, несшие ребенка, не сделавшего никому вреда, успокаивали его словами, доколе не принесли его на то место, где стояла виселица, на которой и повесили несчастного мальчика, как вора, на толстой веревке, сплетенной из мочал. Так как ребенок был мал и легок, то этою веревкою по причине ее толщины нельзя было хорошенько затянуть узел, и полуживого ребенка оставили умирать на виселице».

Э. Геркман,

«Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России».

Москва, 1874 год.

Сторонники Романовых с самого начала пытались убедить и убедили страну, что царевич вовсе не был царевичем – сын самозванца, «тушинского царя» не имел законных прав на престол. Но мне кажется, что лучшим консультантом в этом вопросе для молодого Михаила Федоровича мог бы быть его отец Филарет Никитич, которого сделал митрополитом московский Дмитрий, а патриархом – тушинский, то есть отец несчастного мальчика. По единодушному отзыву современников, Филарет стоял во главе «тушинской партии» бояр до того момента, когда посчитал для себя более выгодным перейти на сторону Сигизмунда Польского, а в это время он, кажется, не высказывал никаких сомнений по поводу законных прав «государя Дмитрия Ивановича». Потому-то царевича Ивана и не отравили, как Михаила Скопина-Шуйского, и не утопили, предварительно выколол глаза, как Болотникова, и не замучили в тюрьме вместе с матерью, гордой царицей Мариной, что он был для новой династии более чем реальным соперником. И только убивая его «всенародно», они могли в какой-то степени уберечь

⁷ В новом «Кратком курсе», который готовится к изданию методом зеркального отражения предыдущего, можно будет прочесть, что до прихода демонических большевиков на «Святой Руси» существовала некая «православная (то есть христианская) монархия» – «калька устройства небесного». Но видимо, возникнут сложности с указанием конкретных монархов, которые являются «калькой» с Христа. Иван Калита? Иван Грозный? Петр? Его жена Екатерина? Или Николай II? К сожалению, христианин, забывающий, что ответил Сын Человеческий на вопрос о динарии кесаря, очень скоро вместо Христа начинает молиться Нерону. А многие наши «христианские демократы», не говоря уже о «христианских патриотах» читают Евангелие так же внимательно, как иерархи XVII века.

себя от воскресших «царевичей Иванов», то есть от того, что пришлось испытать на закате дней Борису Годунову и что так хорошо описал А. С. Пушкин в одноименной трагедии.

Я не верю в мистические совпадения и отношусь к истории вполне рационально. Но есть пугающая закономерность в том, что династия Романовых началась злодейским убийством ребенка и таким же злодейским убийством завершилась...

А для ответа на провокационные вопросы иностранцев наши дипломаты получили от своего христианского правительства такую официальную информацию:

«И Иваилко (Заруцкий) за свои злые дела, и Маринкин сын казнен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своем выbleдке умерла».

ХРОНОЛОГИЯ

- Конец октября 1604 – выступление Дмитрия.
- 13 апреля 1605 – внезапная смерть Бориса Годунова.
- 10 июня 1605 – убийство Федора II Годунова.
- 20 июня 1605 – торжественный въезд Дмитрия в Москву.
- Конец июня 1605 – первый заговор Василия Шуйского против Дмитрия.
- 8 мая 1606 – свадьба Дмитрия и Марины.
- 17 мая 1606 – убийство Дмитрия.
- 19 мая 1606 – избрание Василия Шуйского на царство.
- Лето 1606 – выступление Болотникова и Ляпунова против Василия за «царя Дмитрия».
- 2 декабря 1606 – разгром Болотникова под Москвой.
- 10 октября 1607 – капитуляция Болотникова в Туле.
- 2 июля 1608 – основание Тушинского лагеря.
- Февраль 1609 – приглашение шведской армии в Россию Василием Шуйским.
- Середина сентября 1609 – вторжение польской армии Сигизмунда III.
- Декабрь 1609 – распад Тушинского лагеря.
- 17 июля 1610 – свержение Василия Шуйского.
- 17 августа 1610 – избрание королевича Владислава на царство.
- 11 декабря 1610 – убийство Тушинского царя в Калуге.
- Январь 1611 – рождение царевича Ивана.
- Февраль 1611 – ополчение Ляпунова, Заруцкого и Трубецкого против Сигизмунда.
- 19 марта 1611 – восстание в Москве против Сигизмунда.
- 25 июля 1611 – убийство Ляпунова казаками.
- Осень 1611 – второе ополчение Минина, Пожарского и Трубецкого против Сигизмунда.
- 26 октября 1612 – капитуляция польского гарнизона в Кремле.
- 21 февраля 1613 – избрание Михаила Романова на царство.
- Осень 1613 – 15 апреля 1614 – правление Марины и Заруцкого в Астрахани.
- 25 июля 1614 – арест Марины и Заруцкого.

Владимир Тюрин

А был ли заговор?

Со школьной скамьи я, как и все мое поколение, знал, что великий реформатор Петр I пожертвовал своим сыном во имя блага государства. Никакой загадки – ни уголовной, ни психологической. Царевич, окруженный мракобесами-попами и недобитыми боярами – поборниками дремучей и невежественной старины, – ленивый и слабовольный человек, вступил в заговор против отца, бежал за рубеж, был возвращен умными и государственно мыслящими сподвижниками царя, был судим, приговорен к смертной казни и внезапно скончался накануне экзекуции. Окончательно в этом нас убедил роман А. Н. Толстого. И фильм, помните? Николай Черкасов так театрально убедительно воссоздал образ именно того царевича Алексея, которого все мы знали. Мы – это не только советский народ, но и российский, ибо стереотип этой драмы был создан задолго до советского писателя графа Алексея Толстого и творца столь любимого нами в детстве фильма Сергея Эйзенштейна.

В 1872 году С. М. Соловьев пишет: «...Сын считает своей обязанностью удалиться от дел отцовских; отец считает своей обязанностью спасти будущее России, пожертвовав сыном». А картина Н. Н. Ге? Нашкодивший, заранее виновный и обреченный Алексей – перед грозным и справедливым отцом! И даже усомнившийся если не в вине Алексея, то в мере виновности М. П. Погодин увидел в суде над Алексеем «такое происшествие, которое имеет... великое значение в Русской истории: это граница между древнею и новою Россиею, граница, орошенная кровию сына, которую пролил отец».

А может, и границы нет – границы между страстями человеческими и их (страстей) изображением? Может, и не было в этой трагедии борьбы нового со старым, а бушевали человеческие страсти, предвзятость и деспотизм?

Детство

Царевич родился 18 февраля 1690 года. Родители были молоды – Петру I не было еще и восемнадцати, Евдокии Федоровне, в девичестве Лопухиной, и того меньше. Царь, незадолго до этого достигший власти (осенью 1689 года правительство царевны Софьи было свергнуто), продолжал заниматься «марсовыми и нептуновыми потехами» и веселыми пирами в Немецкой слободе. Правила мать Петра, Наталья Кирилловна, и ее родственники. Алексей воспитывался Евдокией и отца видел редко.

Расхожее представление, перенесшее события и ощущения последующих лет на время детства царевича, в самом общем виде сводится к следующему. Молодой царь с юношеских лет почувствовал необходимость изменений в устройстве России. Он задыхался в душной атмосфере кремлевских дворцов и соборов и проводил время то в Преображенском со своими потешными, то на Переяславском озере, где занимался кораблестроением, то в Немецкой слободе, где общался с образованными и повидавшими мир иноземцами. Евдокия же была ревностной поклонницей старины, традиционных русских обрядов и обычаев, она и сына воспитывала в неприязни к отцу, появлявшемуся в семье редко и неизменно в дурном расположении духа, в чем опять-таки была виновата Евдокия, которая никак не хотела идти в ногу со временем. Таково хрестоматийное представление. А действительность?

Никаких преобразовательных планов Петр в первые годы своего правления не имел. Образ жизни он вел, мягко говоря, беспорядочный, и причиной разлада между супругами была не какая-то особая приверженность Евдокии Федоровны к старине (хотя, естественно, воспитанная в захудалой дворянской семье, она полностью склонялась к традиционной жизни) или

ее попытки ограничить модернизаторские затеи мужа, а элементарное пренебрежение Петра семьей и увлечение дочерью виноторговца из Немецкой слободы Анной Моне, девицей бойкой и практичной, что не мешало, правда, молодому царю вступать и в другие, многочисленные и неразборчивые, связи.

Ко времени отъезда Петра за границу (март 1697) отчуждение между супругами достигло такой степени, что из Лондона он написал родственникам – Нарышкину и Стрешневу – о своем желании: уходе царицы в монастырь. Когда же Петр вернулся, маленький Алексей был взят от матери и отдан в дом тетки Натальи Алексеевны, Евдокия отвезена в Покровский монастырь, что в Суздале, а там позднее насильственно пострижена под именем Елены. Трудно сказать, как все это подействовало на мальчика. Думаю, с этого времени у него начал утвердяться страх перед отцом, который видел его редко, не занимался им и, как представляется, подсознательно переносил на него отношение к нелюбимой жене, перед которой к тому же был виноват по законам божеским и человеческим. И тетка не любила маленького Алексея. И, думаю, напрасно, с легкой руки Н. Устрялова, автора грандиозной «Истории царствования Петра Великого», утвердилась мысль, что «главным несчастьем было то, что до девяти лет царевич находился под надзором матери, косневшей в предрассудках старины и ненавидевшей все, что нравилось Петру». Не было отчуждения сына от отца, было отчуждение отца от сына да, наверное, испуг маленького существа перед человеком, лишившим его матери и жизни в привычном окружении.

Воспитание и образование

Расхожее представление: царевича учили церковники, учили по-старому, к учению Алексей был неохоч и к новым наукам склонности не питал, и следовательно, возбуждал тем самым неудовольствие отца. А вот факты свидетельствуют об обратном, хотя есть, правда, и доля истины в этой легенде (как во всякой легенде), но об этом – чуть позже.

Еще при матери Алексея стали учить грамоте, и его первый учитель Никифор Вяземский, остался при нем и после заточения Евдокии в монастырь. Вяземский был образованным для того времени человеком, известным как искусный ритор и грамотей. Для царевича был составлен иллюстрированный букварь со славянскими, греческими и латинскими буквами (этим букварем пользовались впоследствии русские школьники вплоть до середины XVIII века). Когда Алексею исполнилось девять лет, Петр вознамерился было отправить его для учения в Германию, но потом эта мысль была оставлена, и в 1701 году появился новый воспитатель, саксонский выходец Мартин Мартинович Нейгебауэр, для наставления «в науках и нравоучении». Нейгебауэр был человеком, несомненно, образованным, но чрезвычайно склочным и мелочным и в начале 1703 года был выслан царем за границу. Воспитателем стал другой немец, доктор права барон Генрих Гюйссен, который составил план обучения – весьма современный и отнюдь не ретроградный. План включал изучение французского языка по грамматике, изданной для дофина Франции, причем окружение царевича в часы занятий должно было говорить только по-французски; в часы отдыха предполагалось объяснять царевичу географические карты, учить обращению с циркулем; приступить к началам арифметики и геометрии, упражняться в фехтовании, танцах и конной езде. После шестимесячного курса, по освоении французского, предполагалось перейти к изучению истории и географии, продолжать осваивать математику, учить слогу и чистописанию, «читать Пуффендорфово сочинение о должности человека и гражданина, Фенелонова «Телемака» и обучать военным экзерцициям». На все это отводилось два года, в течение которых Алексею предстояло также ознакомиться с европейской политикой, основами воинского искусства, фортификацией, навигацией и артиллерийским делом.

Мальчик учился легко и охотно. Гюйссен постоянно хвалил его и не раз докладывал царю об успехах сына, сообщая, что царевич умен, кроток и благочестив. Правда, военных упражнений и фехтования Алексей не любил, да и математика давалась ему туго. Он был, как мы сказали бы сейчас, склонен к наукам гуманитарным, а Петр к последним относился, мягко говоря, прохладно, предпочитая дела практические. Но царевич, несмотря на свою нелюбовь к солдатчине, старался. В марте 1704 года он находился в лагере русских войск, осаждавших Нарву, и, как сообщал Гюйссен, искренно уверял отца, что, несмотря на молодость (ему было 14 лет), он делает все, что может, чтобы подражать деяниям и примеру Петра.

И вдруг в начале 1705 года Гюйссен, к которому царевич привязался и который, несомненно, благотворно на него влиял, был отправлен Петром за границу с не слишком значительными дипломатическими поручениями. Поручениями, которые, безусловно, мог бы выполнить и другой человек. Царевич же остался в Преображенском, будучи предоставлен себе самому на целых два года. Почему? Что случилось? И почему Петр неожиданно перестал посылать какие-либо распоряжения, касающиеся Алексея?

Вот что небезынтересно. Именно в это время в жизни Петра возникает Марта Скаврнская, протеже и любовница А. Д. Меншикова, которому Петр поручил общее наблюдение за воспитанием царевича. Не охладевал ли Петр и к без того не очень-то любимому сыну – живому укору безнравственного и жестокого обращения с его матерью? И не использовал ли Меншиков – человек, лишенный каких бы то ни было нравственных принципов, эту неприязнь отца к сыну? Ведь многие думали, что именно Меншиков дал совет отправить Гюйсена в чужие края с его незначительным поручением. А позже сам Алексей объяснял австрийскому императору, что Меншиков с умыслом не давал ему учиться и побуждал к лени и пьянству. Допустим, что это – желание оправдаться, но, может быть, не только оно?

И приходится не верить (или, по крайней мере, не верить полностью) легенде о неспособности Алексея к учению или невероятной его лени. Царевич не любил не науки вообще, а те, которые были так милы его отцу. И с воспитанием дело обстояло вполне хорошо... до тех пор, пока по умыслу или без умысла Алексей оказался заброшенным и очутился в обществе людей если не враждебных, то, по крайней мере, оппозиционных в отношении методов Петра. Не надо забывать, что произошло это в возрасте, столь важном для формирования личности.

Окружение и характер

Петр со своей идиосинкразией к православному духовенству («О, бородачи, отец мой имел дело только с одним, а мне приходится иметь дело с тысячами; многому зло – старцы и попы»), желавший, особенно в конце жизни, превратить священников в чиновников, восхваляющих с амвона мудрые нововведения царя и доносящих властям об услышанном на исповеди, стремившийся переустроить русскую церковь на англиканский манер (монарх – глава церкви), впоследствии постоянно обвинял сына в приверженности к «бородачам», и на суде Алексею было вменено, что он злоумышлял против царя именно под влиянием этих «бородачей». И вообще создалось расхожее впечатление, будто бы с детских лет, а особенно в московский период своей жизни, Алексей был окружен чуть ли не исключительно попами и монахами. Так ли это было в действительности?

Верно, едва ли не самым близким человеком подростку стал его духовник, протопоп Яков Игнатьев, энергичный, богословски начитанный и умный. Игнатьев любил царевича и не любил Петра; он устроил ребенку свидание с матерью, через него Алексей переписывался с нею; будучи глубоко верующим человеком, Игнатьев, несомненно, осуждал Петра за пострижение жены. Однажды, после одного из наездов царя, когда тот избил сына и Алексей покался на исповеди, что думает о смерти отца, протопоп ответил: «Бог тебя простит; мы и все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много!» Появлялись при дворе царевича

монахи и священники, которые потом рассказывали, что царевич, в отличие от отца, любит читать Библию, аккуратно посещает церковь, читает «церковное святыми иконами украшение, архиерейское, архимандричье и иерейское разное облачение и украшение и всякое церковное благолепие». В народе, шокированном слухами (а для столичных жителей – и зрелищем) о «всешутейшем и всепьянейшем соборе» – нарочитом издевательстве над верой, – это, несомненно, находило отклик, а известия об этом доходили до петербургского двора.

Но интереснее другое. К царевичу благоволили два высших иерарха православной церкви, которых уважал даже Петр и которые меньше всего были мракобесами или противниками просвещения. Одним из них был Иов, митрополит Новгородский, – ревностный создатель богоугодных заведений в России. Другим – местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, который, несмотря на свою нерешительность и робость перед царем, осмеливался обличать произвол и злоупотребления властей, увлечение некоего правителя лютеранством, его греховную жизнь и указывал на гонение нелюбимого сына. Конечно, все это делалось в иносказательной форме, но слушавшие проповеди митрополита Стефана понимали, что речь идет о Петре, Екатерине и Алексее.

По-видимому, церковь – и на массовом уровне, и в лице ее просвещенных иерархов – возлагала надежды на Алексея, на его будущее царствование. И не только церковь. Родовитая знать – Голицыны, Долгорукие, Куракины, Шереметев, оскорбленные засильем временщиков, прежде всего врага Алексея – Меншикова, мечтавшие о просвещенном государстве и каком-то ограничении безудержного деспотизма, выказывали явное расположение к царевичу. Князь Дмитрий Михайлович Голицын, киевский губернатор и будущий инициатор первой в истории России конституции (при Анне Иоанновне), переписывался с царевичем и привозил ему книги, до которых оба были охочи. Разделял взгляды Д. М. Голицына и его младший брат, о котором царевич говорил: «Князь Михаил Михайлович был мне друг же». Любимец Петра князь Яков Федорович Долгорукий, один из самых способных русских генералов князь Василий Владимирович Долгорукий, князь Борис Иванович Куракин, просвещенный человек с европейским лоском, – все они благоволили Алексею и, думается, ждали многого от его царствования. «Ты умнее отца, – говорил царевичу В. В. Долгорукий. – Отец твой хотя и умен, да людей не знает, а ты умных людей знать будешь лучше».

Непосредственное окружение царевича в Москве составляли «кавалеры» во главе с его учителем Никифором Вяземским и другими Вяземскими, Нарышкины, домоправитель Еварлаков, Федор Дубровский, сын кормилицы Колычев – люди средние, любившие поворчать, но отнюдь не ретрограды и менее всего заговорщики. Самой яркой фигурой в непосредственном окружении Алексея был Александр Кикин. Он был послан в числе первых Петром за границу для обучения, вернувшись, был близок к царю, но, будучи провиантмейстером на флоте, попался на злоупотреблениях и воровстве (случай заурядный в петровское время) и впал в немилость – удален ко двору Алексея. Необразованным и желавшим вернуть страну к прежнему этому человека никак назвать нельзя.

Но одно несомненно – и ближнее, и дальнее окружение Алексея было недовольно царем. Не стремясь к восстановлению допетровской России, они были за более плавный переход к новому, без мучительной и принимавшей чудовищные формы ломки, за сохранение традиций и преемственности. И в этом на Алексея они возлагали надежды.

По характеристике С. М. Соловьева, который перед Петром преклонялся, а потому судьбу царевича рассматривал как неприятную, но неизбежную жертву в интересах государства, Алексей был похож на деда – царя Алексея Михайловича и дядю – царя Федора Алексеевича, то есть был «образованным, передовым русским XVII века, был представителем старого направления», но «подобно им он был тяжел на подъем, не способен к напряженной деятельности, к движению без усталости, которыми отличался отец его; он был ленив физически и потому домосед, любивший узнавать любопытные вещи из книги, из разговора только; оттого ему так

нравились русские образованные люди второй половины XVII века, оттого и он им так нравился». Наверное, многое справедливо в этой характеристике, правда, всегда остается извечная наша проблема: неужели для утверждения одного направления нужно рубить головы сторонникам реформ того же направления, но иных методов?

Судьба человека – его характер. И Алексей блестяще это подтвердил.

Он был, несомненно, умен. Это подтверждают и его письма, и разговоры о политических делах, и рассуждения о России и даже показания под пыткой. Сам Петр писал ему: «Бог разума тебя не лишил». Неплохо образован – говорил и хорошо писал по-русски и по-немецки, знал французский, много читал, любил книги. Был добр, набожен, мягок и неупрям, способен на сильное чувство. Он был скорее созерцательной, чем деятельной натурой, и мог бы быть достаточно гуманным и снисходительным государем. Но характер его не был сильным; отношение отца приучило его к уверткам, уклонению от прямого разговора; боясь отца, он скрывал свою нелюбовь к военным наукам и математике, а Петр никак не мог примириться с тем, что сыну милее церковные и гуманитарные книги. Царевич рано начал пить, но от участия в отцовских попойках уклонялся, предпочитая делать это в своем кругу. Он вспоминал, что в Петербурге, «когда позовут на обед или при спуске корабля лучше мне на каторге быть». В хмелю иногда он был несдержан, но после каялся. Хуже было другое – в подпитии он был болтлив, естественно, в кругу своих. Дальше смутных прожектов и пьяной болтовни дело не шло, но впоследствии этим воспользовались недоброжелатели и отец в первую очередь. Так потом, на следствии выплыли под пьяную руку сказанные слова: «Когда будет государем и тогда будет жить в Москве, а Петербург оставит простой город, также и корабли оставит и держать их не будет; а войска, де, станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением, и намерен был жить зиму в Москве, а лето в Ярославле. И когда слышал о каких видениях или читал в курантах, что в Петербурге все тихо и спокойно, говорил, что видение и тишина не даром; может быть либо отец мой умрет, либо будет бунт».

Навязанную ему жену он не любил, но обращался с ней ласково, тяжело переживал ее смерть и был привязан к детям. Дала судьба ему и истинную, но несчастливую любовь – к крепостной Вяземского, Евфросинье. Он привязался к ней до безумия, взял с собою, когда бежал в Австрию; и в значительной, если не решающей, мере уговоры Евфросиньи побудили его вернуться в Россию: ведь ему обещали, что он может жениться на ней и тихо жить где-нибудь в деревенском захолустье.

Конечно, он был слабохарактерен и легко поддавался обещаниям и уговорам. Он не хотел жениться, но под напором отца женился; он не хотел возвращаться в Россию и не верил в прощение отца, но дал себя уговорить и вернулся. Но вот что интересно и что отмечают те, кто хочет представить трагедию Алексея как столкновение между допетровской ретроградной Русью и новой Россией: никаких конкретных обвинений по поводу характера или действий царевича, кроме общих слов и отвлеченных рассуждений, Петр не выдвинул ни до бегства Алексея, ни в публичных обвинениях после его возвращения.

Неповиновение

В начале 1707 года Петр неожиданно вызвал царевича в Жолкву на Украине, где стоял со своей армией, ожидая движения Карла XII. Там впервые отец публично выразил неудовольствие сыном, обвинив его в неповиновении. Что же сделал Алексей? А совершил он проступок человеческий и легко объяснимый: навестил свою мать, с которой был разлучен в девятилетнем возрасте. Алексей побывал в Суздале, где томила в монастыре Евдокия. Сестра царя, Наталья Алексеевна, не любившая царевича, донесла Петру.

После этого Петр отправил сына в Смоленск заготовить провиант и набирать рекрутов. Судя по письмам и донесениям Алексея отцу, царевич весьма успешно справился с поруче-

нием, проявив трудолюбие и рвение. Через пять месяцев он получил новое назначение, на этот раз – в Москве: следить за состоянием крепостных сооружений, наблюдать за подготовкой солдат и их экипировкой и направлять сформированные полки в действующую армию. Из пятидесяти с лишним писем Алексея, относящихся к этому времени (1707–1709), очевидно, что царевич неустанно трудился и не вызывал никаких нареканий со стороны отца. В начале 1709 года он сам отвел набранные им пять полков в Сумы, а затем поехал к отцу в Воронеж, где присутствовал при спуске построенных кораблей, после чего снова вернулся в Москву. Алексей не только работал, но и учился: именно в эти воды он осваивает немецкий и французский и усиленно изучает математику и фортификацию.

В конце 1709 года по приказанию отца Алексей отправляется за границу – в Дрезден, где продолжает учебу, а в октябре 1711 года по воле отца женится на Софии-Шарлотте Бланкенбургской. Благодаря этому браку Петр породнился с австрийским правящим домом: сестра Шарлотты была замужем за наследником престола Габсбургов. И после женитьбы царевич безропотно выполнял поручения отца – поехал в Торн, затем – в Померанию, после – в финляндский поход и, наконец, – в Старую Русу и Ладогу для надзора над строительством кораблей.

Никаких свидетельств на протяжении 1707–1713 годов, что Петр имел какие-либо серьезные претензии к своему наследнику или Алексей действовал, против воли отца, не имеется. И хотя с 1713 года, когда царевич вернулся в Петербург, отношения отца и сына иногда омрачались (царевич стал еще больше бояться отца и с неохотой принимал участие в обедах и попойках у Меншикова и других близких к Петру людей), то, что произошло 27 октября 1715 года, явилось для Алексея, полной неожиданностью.

В тот день в Петропавловском соборе хоронили кронпринцессу Софию-Шарлотту. Жизнь ее сложилась несчастливо: брак оказался неудачным, царица Екатерина и Меншиков ее третировали, и болела она довольно часто 22 октября 1715 года она родила второго ребенка – Петра, а 22 октября скончалась. Алексей тяжело пережил смерть жены, плакал, рыдал, несколько раз падал в обморок. Когда все вернулись с похорон в дом царевича для поминок, Петр публично передал Алексею письмо, озаглавленное «Объявление сыну моему». В нем царь обвинял Алексея в неспособности к военному делу, в лени, злом и упрямом нраве и угрожал лишить наследования трона. Письмо было помечено 11 октября. Похороны состоялись 27 октября.

Оценивая, этот шаг Петра I, трудно удержаться от недоуменных вопросов. Почему письмо пролежало в кармане Петра больше двух недель? Какая необходимость была отдавать его Алексею в день похорон жены да еще с нарочитой публичностью? И о каком послушании или неповиновении Алексея шла речь?

А вот если вспомнить, что происходило в царской семье между 11 и 27 октября 1715 года, то можно, по крайней мере, предположить, что история с письмом не столь уж и проста. Письмо помечено 11 числом, а 12-го у Алексея рождается сын, по логике – будущий царь. Если бы письмо было датировано более поздним числом, то вставал бы вопрос о новом престолонаследнике – сыне Алексея. 28 октября у Екатерины рождается сын – тоже Петр. Не в этом ли разгадка странностей с датами? Может быть (и вероятнее всего), письмо было написано где-то в промежутке между смертью Шарлотты и ее похоронами, а помечено с умыслом датой, когда других наследников, кроме Алексея, не было; тем самым создавалось впечатление о беспристрастности царя, заботившегося лишь о благе государства. Получает объяснение и показной характер действия – публичная передача письма; что же касается содержания письма, то для царя и раньше не была секретом нерасположенность Алексея к военному делу, но ведь это – не преступление, и к тому же Алексей послушно выполнял все поручения и особых нареканий отца не вызывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.